ПЕРЕПИСКА

Виктор Петрович Астафьев

Вадим Валерьянович Кожинов

Михаил Николаевич Сопин

Римма Васильевна Комина

Виктор Михайлович Лапшин

Ж 1356129

Вологда
2005

Виктор Петрович Астафьев

К писателю Виктору Астафьеву Михаил решил обратиться в конце 70-х годов. Тогда он еще не был так знаменит, но уже имел вес в литературном мире. Раньше жил в Перми - может быть, не откажет в помощи земляку?

То, что Виктор Петрович ответил таким теплым, по стилю - узнаваемо АСТАФЬЕВСКИМ письмом (особенно про дворнягу и штаны) было удивительно и грело долгие годы. Но не смотря на то, что он предлагал свою помощь, Миша ею не воспользовался. Шкварко не объявился, писать об этом не хотелось. Мы с Мишей рассудили: Красноярск далеко, это все-таки не Урал. Виктор Петрович - писатель, а не поэт. Таких, как Миша, у него, наверное, много... Надо быть благодарным за то, что уже дано и не портить впечатление ожиданием захлопнутой двери. Мы сами прервали переписку - не ответили.

К тому же, уже начали складываться отношения с В.В. Кожиновым, они казались более перспективными.

Уважаемый Михаил Николаевич!

Стиха ваши очень энергичны по ритму, задиристы по содержанию, хотя порой и сдается мне, что Вы тыритесь на действительность дорогую вроде дворняги, держите (?) за штаны и тут же хвостом виляете извинительно. В этом деле - или, или...

Конечно же, на стихах еще лежит печать незрелости, но и самостоятельность проглядывает, вернее, скорее стремление к ней, и во всем чувствуется поэт, т.е. человек, богом отправленный в мир выражать себя и свои чувства посредством стона, а не потому что он захотел стать поэтом. Поэт - он невольник, он с рождения обречен и тут ничего не поделать никому, даже цензуре, даже внутреннему цензору. Вам, конечно же, надо писать и писать, но поскорее проходить задиристость и так называемые «поэтические находки», т.е. скорее устремляться и достичь естественности самовыражения.

А эти стихи я отправляю в «Урал», Леониду Шкварко - это Вам ближе и можно быть потом постоянным автором «своего» журнала, но коли не напечатают, тронемся в Москву. Вы мне пришлите еще какие-нибудь экземпляры этих и других стихов - я в апреле надолго еду в Москву и попытаюсь дать чего-нибудь почитать кое-кому.

Готовьтесь к трудной доле современного советского поэта. Всем самостоятельно мыслящим людям вообще, и литераторам в частности, живется у нас нелегко.

Желаю Вам удачи!

Ваш В. Астафьев.

660036 Красноярск, Академгородок-14, кв. 55, а/я 8708

Вадим Валерьянович Кожинов

Обратиться к В.В. Кожинову Михаил решил после многочисленных отказов из разных журналов. Он сказал мне: «В современной критике мне нравятся два человека: Лев Анненский и Вадим Кожинов. Но Анненский работает больше по истории литературы, а по современой - Кожинов».

Письмо было отправлено, кажется, в «Литературную газету», ответа не было - мы этому, конечно, не удивились. Мало ли кто не ответил! А через много месяцев (или через год) к нам зашел Мишин пермский приятель Виктор Болотов. «Вот, - говорит, - я увидел это среди развала разных бумаг в книжном издательстве, может, пригодится». Мы прочитали и обмерли. Это была ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ рецензия на Мишину подборку стихов!

В рецензии отмечались положительные стороны присланных стихотворений и, что, особенно интересно, размышление о том, «поэт - это судьба». (Вадим Валерьянович еще не знал, что у Михаила судьба как раз есть). Еще там было сказано, что сейчас писать хорошо умеют многие, но 99 процентов из современных пишущих этой судьбы как раз не имеют. В числе таких благополучных и не очень интересных поэтов был, в частности, назван Винокуров.

(Это письмо в домашнем архиве не сохранилось: уже из Вологды по совету М.И. Карачева оно было отправлено в Северо-Западное книжное издательство как рекомендация для подготовки сборника «Предвестный свет». Перед тем, как отправить, Миша спросил разрешения у Кожинова. Тот согласился, но потребовал текст обратно: вычеркнул про 99 процентов и Винокурова, а остальное осталось, как есть. Его рекомендация сработала: Мише дали очень хорошего редактора - Е.Ш. Галимову).

Но это будет потом, а мы вернемся в Пермь...

Первая реакция на явление Болотова с рецензией - бурная радость. И тут же... озадаченность. Ну и что с ней делать? Повесить на стенку и любоваться? Она была направлена не автору, а в издательство, где должны были среагировать. Отзыв ведущего в СССР литературного критика, и какой! Можно представить, какой резонанс это имело бы, будь на месте Миши любой другой Пермский автор! А здесь - просто валяется... Это - ЗНАК.

Миша кратко написал Кожинову об этом и получил следующее письмо:

19.2.80 г.

Уважаемый Михаил Николаевич!

Если для Вас важно мое мнение о Ваших стихах, скажу Вам с полной уверенностью, что они написаны добротно, профессионально, весомо и вполне достойны опубликования. Они значительно выше

того уровня, который характерен для ПЕЧАТАЕМЫХ стихов.

С другой стороны, в лучших из присланных Ваших стихов есть серьезный, неоспоримый нравственный заряд, который, конечно, сыграет свою благотворную роль для читательских душ

Таково мое мнение.

Советую Вам познакомиться (если Вы не знакомы) с двумя Вашими земляками, которых я высоко уважаю и ценю. Это Алексей Леонидовтч Решетов (Березники, просп. Ленина, 8, кв. 4, тел 54784) и Владимир Ильич Радкевич (Пермь, Большевстская 184, кв. 66, тел 24016).

Первому из них (второго я лично не знаю, только по стихам) передайте мои самые сердечные приветствия и пожелания.

Всего Вам доброго,

Вадим Кожинов.

Использовать адреса не представлялось возможным. Решетову - человек мягкий, не борец, к тому же, в Березниках. Он ни за кого сражаться не будет и е умеет. Радкевич - другое дело, но он уже стар и болен. (Из легенд о Владимире Радкевиче. В КГБ раздается телефонный звонок: «Здравствуйте, говорит поэт Радкевич. Сейчас я отправляюсь в психиатрическую больницу. Написал поэму и хочу вам ее прочитать. Боюсь, что без меня дома пропадет, а у вас, знаю, все телефонные разговоры прослушиваются, записываются, и моя поэма сохранится». После этого с выражением прочитывает крамольную поэму, и сотрудник действительно все добросовестно выслушивает и записывает.)

Но как раз в это время мне представилась возможность длительной командировки на учебу в Высшую комсомольскую школу в Москву. Я хотела было отказаться (возраст, семья и т.д.), но Миша сказал: «Поезжай. Разыщи там Кожинова и расскажи обо мне». Более подробно я рассказываю об этом в повести «Вызов судьбе». В частном разговоре Кожинов сказал:

- Ну если мое имя ничего не значит в Вологде, может быть, со мной посчитаются в Вологде. Пусть едет в Вологду.

Я ответила, что это «не просто так» - у него семья, дети и пр... Продолжения разговора не было, потому что он подал мне пальто, а пока я застегивала пуговицы, исчез.

Я написала ему длинное письмо без обратного адреса, об этом тоже рассказывается в моей повести.

А по возвращении в Вологду оказалось, что Кожинов уже ответил Мише на Пермский адрес коротенькой, вырванной из записной книжки запиской, которая была дороже любых рецензий:

5. 2. 83 г.

Дорогой Михаил!

Прочитайте мое письмо Алексею *) (чтобы не объяснять Вам все второй раз - решено сделать так), и отправьте ему по почте (я и адреса его пермского не знаю **), подписав мой адрес. Лучше НЕ

ВАШИМ почерком на конверте письма будет.

Всего Вам доброго.

Мне тоже 52 года и жизнь меня била не меньше, чем Вас, хотя и по-другому.

Поверьте еще, что и сейчас очень много несу на себе - собственно, Вы даже не поверили бы глазам, если бы все это увидели.

Жму руку.

Вадим Кожинов.

*) - Решетову

**) - Решетов уже переехал в Пермь

... Мы лучше Кожинова знали характер Алексея Решетова и его отношения с властями. Миша сказал:

- Я поеду в Вологду.

Остальные письма пришли из Москвы уже на вологодский адрес.

1 августа 83 г.

Дорогой Михаил Николаевич!

Вы написали - «отвечать не надо», но, думаю, как раз сейчас важно сказать Вам несколько слов. Надеюсь, что Вас. Ал-др. ОбОтуров встретил Вас доброжелательно. И теперь Ваша судьба в Вологде во многом зависит от Вас самих.

Оботуров обещал мне, что поможет с публикацией стихотворений и организацией серьезного обсуждения в писательских кругах Вологды - кстати, достаточно весомых.

Вот несколько советов. Придержите поначалу особенно острые стихи, связанные с Вашей драматической судьбой. И вообще - при всем возможном доброжелательстве вологжан тщательно продумайте самую форму «информации» о Вашем прошлом. Так сказать, были грехи юности и прочее - если этот вопрос всплывет. Не надо темы ЗАПАДНОЙ Украины.

Вообще-то, думаю, Вы и сами это понимаете, но лишний совет не отягчит.

Многое, если не все, в вашей жизни в Вологде, повторяю, зависит теперь от Вас. Люди, право, же, там не плохие и таких немало. И Вашу драматическую, трагическую поэзию войны они смогут оценить по заслугам. Оботуров мне об этом уже сказал.

Важно Ваше человеческое доверие к ним и готовность ЖДАТЬ. Было бы очень хорошо, если бы Вы попросту ПОДРУЖИЛИСЬ с теми, кто придется Вам по душе (я имею в виду литераторов - как членов СП, так и нчинающих).

Нужно Вам прочитать книги вологжан (в гор. библиотеке ими. конечно, снабдят по первой просьбе). И вообще войти в жизнь литров Вологды как свой. Это не Пермь, здесь многое, не сомневаюсь, может оказаться Вам по-настоящему близким.

Вот такие дела.

Простите, если в письме оказались какие-то нотки «поучения»,

я, видит Бог, этого не хотел - только совет от души.

Всего Вам доброго.

Передайте привет Вашей супруге.

Пишите - мне теперь небезразличны ЛЮБЫЕ сдвиги в Вашей судьбе. Хотя, м.б., в самом деле не всегда соберусь ответить (воспользуюсь ТОГДА ранее данным разрешением: «Отвечать не надо»).

Жму руку.

Вадим Кожинов.

Посмотрите книги, о которых речь на обороте, напишите мне о них.

P.S. Очень, очень советую прочитать, вернее, пережить следующие книги (только именно эти КНИГИ, а не вообще книги этих поэтов: Вас. Казанцев. «Выше радости, выше печали М., 1983; Ник. Тряпкин. «Избранное», М. 1980, Юрий Кузнецов, «Русский узел», М. 1983, Стан. Куняев, «Путь», М. 1982; сборник лучших поэтов «Страницы современной лирики», М. 1980, 2-е изд.1983.

Число - ?

Пишу наскоро, так как занят весьма тяжким делом - переездом в другую квартиру (дом мой, увы, рушат). Будете писать - новый адрес: М., 428969, ул. Б. Молчановка 18, стр. 4, кв. 71.

Пишу, собственно, только для того, чтобы сказать: Оботуров, конечно же, может как-то помочь, но знаете ли Вы житейскую мудрость: далеко не всегда важно О ЧЕМ (или что) мы говорим, но всегда важно, КАК говорим. Наведите разговор как бы между прочим, не просите, в побудите предложить Вам помощь. Если он сам захочет - другое дело.

Пришлите газету. Как Вологда в сравнении с Пермью в чисто житейском смысле? Лучше или хуже (я имею в виду не Ваши теперешние условия, а город вообще).

Да, кстати, если соберетесь СРАЗУ ответить, пишите по старому адресу, дней 10-12-15 я еще буду здесь.

Всего Вам доброго. В. Кожинов.

Михаил Николаевич Сопин

ИЗ ПИСЕМ ПЕРМЬ- МОСКВА (ВКШ*)

28, январь, 1983 г.

Здорово, товарищ из ВПШ! **)

Фу, чёрт - ВКШ! Быть тебе! (в ВПШ)

Отдай этой падле, *)если много ошибок - перепиши; чистовики можешь порвать. Эту вонючку, даже на расстоянии, я, кажется, понял.

Он берется за то, что явно способствует во всю баранью глотку проблеять о своей златорунности! Ну, бог с ним.

У нас - свой резон: какую пулу отольет мир, улыбнется

андельски, а может, покажет волосатую дьявольскую жопу. Мы живы - как звери! Продукты есть. Малеха задолжались, самую малость. Братья-босы **) знают время твоего приезда, ждут спокойно, слушают, подлецы. Выносят ведро, ходят за хлебом, за маслом, в музыку. Я, конечно, маленько вмазал, локально налакался, прошло. Пишу, как видишь. Никто не болеет. После сарделек - брал 2 кг соспетиков и 4 кг опять же сардельёнов! Ты, Татьяна, со всем вниманием относись к тому, что говорят, что преподают. Это - сама жизнь, и в нашей, не совсем еще короткой, дороге необходимо любое знание.

Эмоции - к чёрту! Т.е., не только - голые эмоции. Пусть шуты трясут джинсами. Ты поехала по делу. Слушай, вдумывайся. Если даже новая дурь будет изгонять старую, то в этом случае - победа, победа над ржавой косностью внутри нас самих. Поняла - какой я умённый! Знай наших!

Слушай сюды, а ты все-таки попроси книг у В.К. Ладно. Дай тебе бог, дай тебе ВКШ! Видишь, как но получается: чем начал, тем и закончил. Хвост - пистолетом, нюх - по ветру! С обжорским приветом - сарделеметатели.

Мих. Сопин

*) – Высшая комсомольская школа
**) – Высшая партийная школа

31 января 1983 г.

Вот письмо К., думаю, за него краснеть не будет нужды: ни у тебя, ни у меня.

Три пятилетки - хлеб, мать, махорку, друга, жизнь - мне заменили нервы, В.В. Теорией вышибленной из-под ног скамейки жил я. Что остается? Очаг души, собирающей свет былого и грядущего, в котором должны растопиться боль и радость других, боль и радость. Играют во все: в любовь, в ненависть, в безнадежность.

Было время
И кончилось время:
Я во все
В полной мере
Сыграл.

Без такого богатства в сердце, понимание моих стихов - объяснение в любви с тенью. В основе предчувствий моего грядущего - лежит страшная, невозвратимая драма потерь.

В это не играют, не теоретизируют. Это пишется кровно, набело. Чувствую себя среди других одиноко, как никогда. Убежденный дурак прекрасен, как гений - невера! (?) Я же имею дело с людьми, подверженными артельным восприятием поэзии, с людьми, которые... ТОЛЬКО ПОДОЗРЕВАЮТ... СЕБЯ В ГЛУПОСТИ! Т.е.: может, да, а может это кажется.

Четкое и жесткое изложение - в разговоре о поэзии - точки зрения... вызовет неприязнь ко мне. Но изгадившись с вечера, утром не проснешься агнцем. Ничего. 52 года - уже за бортом. Хребет заматерел, не гнется. Остаток, бог даст, дотяну. Те, которые терпимо относятся ко мне, говорят так: «Признавать тебя, отказываться от себя». Как видите, Вадим В., глупость доводится до логического конца.

Почему и за чем обращаюсь к вам?

За чем? - За помощью. В.В., за помощью - при жизни.

Почему? Обращаюсь к тому, кого чувствую, с кем (так считаю!) дышу одним бураном.

Понедельник, январь, 1983 г.

Искренне, неизбежно уважающий - Михаил.

P.S. А. Решетов считает, что я трижды умру, чем один раз воскресну в стихах - в Перми. ***)

У нас - все - нормально: жратва есть, дотянем. Скандалов особых нет, мелочишка. Никто не болеет. Вот пока так. Сейчас принесли извещение на ВТОРУЮ посылку. Когда тебе приехать - ребята знают, молча, спокойно. А что, ты думаешь, я так-таки убит К? Положил я на них! За малым сдержался, хотел отослать ему еще 99%... Чтоб сволочь помнила, да ладно. ***)

Михайло.

*) - не помню, о ком речь. С кем-то из журналистов «Комсомольской правды» я имела разговор и тот сказал, что попробует посодействовать, но все это очень трудно и не обещает.

**) - Глеб и Петя

***) - судя по дате и по смыслу, письмо было написано и отправлено после того, как я написала о своей встрече с Кожиновым в ЦДЛ (когда он подал пальто и исчез).

8, февраль, 1983 г.

Все, что Вы нам всучили, мы получили.

Привет, Татьяна! Живем, по-тихому.

Резких новостей нет. Заезжала-залетала-заходила к нам какая-то тетя, кто-то из твоих... Возникла поздней ночью: я находился в ухайдаканном состоянии, было не до расспросов, срамота, конечно. Что теперь говорить... Пусть бог прощает.

Никто не болеет, правда, Петя немного сопли отпустил. Голодом не сидим. До твоего приезда - дотянем. 10 дней - как-нибудь. О ВК... - все одинаковы, чёрт бы их взял. Все же прекрасно знают, что и как. Я тебе послал копию письма к В.К. Как есть - большего не смог. Да и нужность того, что послал - СОМНИТЕЛЬНА ДЛЯ МЕНЯ. Поживем - побачимо. Да, ты не думай, что я нахожусь - в постоянном кире!

Ну что ж, с комприветом - мы!

ИЗ ПИСЕМ ДОМОЙ: ВОЛОГДА- ПЕРМЬ, 1983 - 1984 г.

7, сентябрь, 1983 г.

Привет, братья мои: Татьяха, Глебка и Петрович!

Мудро терпеливые люди мои, я жив. И жизнь моя не разбита, немножко одинока, но нищенски не горька. Пишу вдогонку несколько сумбурному письму.

Побоялся, Татьяша, что по прочтении того (предыдущего) письма у тебя создается сложное впечатление о моем житье-бытье. Наурядицы, конечно, есть, но я буду искать с ними добрых отношений: попытаюсь понять их, найти доступный и понятный язык. Все сгладится, наладится во мне, а это значит, что с неурядицами будут найдены товарищеские отношения. Братки мои, как вы там поживаете? НЕ УНЫВАЙТЕ, РЕБЯТА! Мы делаем одно дело, цель которого - больше добрых людей в нашей с Вами жизни и, конечно, на земле. Основное - не ссорьтесь по всяким пустяшным поводам, будьте неуклонно дружными между собой. Помогайте маме, как своему самому доброму другу. И мне будет легче. Я о вас так и думаю - с постоянной надеждой на чуткость, на умность ваших сердец. Какие у вас новости? Какие изменения? Как соседи? Привет маршалюге и горшковским людям. Мои дела не блестящи, но сносны ровно на столько, что могу работать на пр-ве, пишу, не болею. Ищу себе пристанище. Найду, уверен в этом.

Обнимаю, помню Вас.

Папуандрус Михеев.

P.S. Татьяша, пиши в этот же адрес. Любые изменения - информирую.

Будьте здоровы, ребятки!

(Из письма, которое не сохранилось:

«Избави, боже, от тоски -

Ходить в сортир по-воровски!» -

об общежитии на ул. Северной, где Миша получил комнату. Там систематически был забит туалет, и жильцы ходили через дорогу на пустырь, где под кустами обитали алкоголики, а теперь - жилая застройка.)

14 декабря, 1983 г.

Вот это настоящий подход к делу!

Здорово, братцы мои! Петрович, *) имп. Павел был свергнут с престола России - сыном, Ал-дром I в результате заговора, был удушен гвардейцами. ночью, во время смены караула. При Ал-дре Россия вела войну с Францией 1812 г.

Возьми Историю СССР, там все это есть. Видишь, какие у

тебя ценные монетки? Береги и приумножай, я спрошу у Михаила, **) может, у него что-либо есть. И с оперой - молодчаги, молодцы, ребята. Надо знать историю своей Родины. Татьяха, один материнский жест стоит больше, чем сто заземленных мыслей мужиков. Мы с тобой говорили на эту тему - ты просто забыла - что дети не слушают, что им говорят, а присматриваются, подражают и с присущей им индивидуальностью делают то, что делают родители. Поэтому деяния наши- разговор, отношения, поведение с окружающими, походка, речь - это и есть воспитание в высшей степени. Ты помнишь, как Петя подражал тебе в разговоре, не произносил - Р? Смешно? Нисколько. Это и есть признание. Конечно, Шопенгауэра ребятам читать рано. Но Пушкина, Лермонтова, Фета, Толстого, Есенина, другие мудрые, умные книги - пусть читают. Меньше пустоты, глупости, всякой дряни, опустошающей восприимчивую душу детскую. Полученный в детстве заряд - вечное богатство.

Татьяш, особенно не усердствуй с ходатайств... Помни мудрое пожелание - «Разума в труде...» В Союзе еще не был. Буду держаться контакта. И ждать. Слушай, а может, все-таки ставить вопрос о нашем обмене? Тогда я начну действовать. У меня - нормально.

Не скучай, Татьяха, мы же не разлучаемся, чего ты. «В грэчицком зале, в грэчицком зале». ***) Я буду писать чаще. На днях вышлю виршенции. Будьте добрыми - не скандальте между собой!

Привет всем: Глебу, Петровичу и тебе!

Я.

*) - Петя

**) - наверое, Карачев

***) - по Райкину

18 декабря 1983 г., воскресенье

Здравствуйте, ребята, все!

Образовался досуг, вот и решил чирикнуть вам весть любимую свою. Нового ничего пока нет. Хорошо понятое старое - лучше плохого нового. Сегодня, в воскресенье, был у беса-Михаила, фамилия которого Карачев, Карачун его дери. Минут несколько посидели, попили чайку, потом он засобирался, а я, конечно, удалился в свою берлогу. В Союз я не ходил. По сему случаю задал Михаю вопрос - разумно ли мое редкое появление? Он сказал, что это пустяки. Сам бывает редко. Но заходить, конечно, надо. Я тонко так напросился на визит к Вадику... *) Он - ничего, согласен, поддерживает. Может быть, соберемся. Сделал реплику, Татьяха, как мы почти что мы в чем-то сильно схожи. **) Я вздрогнул - сходятся обычно полярные характеры. Но... Вадик не поэт. А я... что я, ценю его работу, ценю достаточно высоко, что должно только благотворно действовать на того и другого.

В том письме я не ответил на вопрос Петровича - о приезде в Вологду. Что сказать вам, родимыя, вы же знаете на сто лет вперед, что никаких возражений быть могёт с моей стороны. Деньжищ,

правда, маловато - дотянуть до аванса. Не заставляйте тятьку ёрничать, что говорить - Ваше слово. Большая часть моей жизни - это Вы. Давай, Татьяха, решай с попытками обмена. Кого мы там оставляем? Друзей закадычных нет у нас. Хороших людей? Но хорошие люди испытывают в нас нужду везде. Чёрт знает - никак не могу достать «мерзопола»... Беспокойства я никакого не ощущаю, кроме, конечно, морального. Вот текут сопли, боюсь идти мыться. Рубахи грязные, мерзлость, понимаете ли. 22-23 вышлю тебе новые стихи, на правку. Жму вам лапы - от имени папы.

Мы.

*) - Кожинов

**) - если иметь в виду внешне сходство - точно

20 декабря 1983 г.

Что-то вы мне не пишете, братья.

Здравствуйте! Я сейчас вошел в письменный режим, буду писать вам, с перерывом - в два дня. Хотел - через день, да нет гарантии, что выбрав из ящика, они тут же отправят письма. Серьезных новостей не имею. Забыл, запамятовал, писал ли тебе, Татьяха, о разговоре с Михайлой Карачевым... Я спросил у него, имею ли я возможнсть напрямую выйти в «Красный Север» со стихами. Там работает Смирнов Эмиль Михайлович, который делал подборку. Так вот, Мих. считает, что Эмиль Мих. будет только рад этому. Ну конечно, ты понимаешь характер моих опасений. «Пусти свинью...» Не подумают ли так шефы?

С нормальной человечной точки зрения гарантия, их гарантия, ранняя, должна быть понята мной, как пропуск, для прямого контакта. Чёрт их знает, можно попробовать.

Татьяха, просьба к тебе такого рода: пришли мне курева - «Приму» или «Астру» - пачек тридцать, бандеролью.

Денег выслать не могу, еще не получил. А по моим подсчётам выходит, что курево скоро подойдет к концу. Татьяха, я что-то не так делаю? Не так себя веду? Может быть, дружище, - ой как может. Надо выбраться к Вадиму, за инструкцией. Ждать, конечно, я могу. Но - сколько? В Перми - делалось проще. Принеси - зарегистрируют. Жди - когда зарубят. А тут... как? Они сами должны это сделать, что ли? Предложить? Ладно, посмотрим.

Ну что там, как дела у тебя?

Основное я так и не спросил до сих пор - какое самочувствие у тебя. То, что нет никакого желания работать - знаю. А еще? Кто приходил, что говорил? Рукопись вышлю - когда получу деньги, 22-23 декабря, конечно.

Жму руку. Акула из Вологодских хлябей.

С Новым вас годищей!

24 декабря 1983 г.

Тать-я-ша, бука-ша, привет тебе, привет!

Пишу вдогонку, дабы сгладить грусть бандерольного письма.

Раскис я там, понимаешь ли. Заглаживаю огрехи слабости. Ничега, вот, говорить-то говорю, рассуждаю, и сам тут же забываю свою философическую бяку-ваку. Это я о своих разглагольствованиях относительно боли душевной... Ну, помнишь, там, где с болью надо искать общий язык, поговорить с ней, попытаться ее очеловечить, заземлить, чтоб можно было оставаться с ней в друзьях - жить и работать дальше... И я подбираюсь к ней: не буду больше ставить перед собой близких целей. Они обкрадывают душу, обнищают энергию, утомляют. Я написал сегодня такую виршенцию:

Сколько доброго по свету!
Но пока течет песок -
Лучше памятник посмертно,
Чем голодному кусок.
Во я даю, правильно?
Надо назвать эту виршу - «Любоеды»? А?

Да, Татьяха, интуиция подсказывает, что я не ошибался В СКРЫТОМ СВОЛОЧИЗМЕ ЭТОЙ МИШИ. Запамятовал, писал ли я тебе о своем визите к нему... Я пришел, все складывалось нормально. И вдруг - ни с того, ни с сего - он засобирался. Хотя ни о каком визите речи до того не было. Началось это после того, как я предложил прочитать некоторые из своих виршеусов. Прочитал. И какое-то, мне самому непонятное, началось шевеление, собирание, нервозность, спешка, обещание вскорости навестить меня, и, конечно, оставить все это в стадии невыполнимости, он не пришел. Зачем я, сволочь, дал ему, зачем! Ведь не просил же он, я, я навязал, мерзкий я человек. Но с другой стороны, что в этом крамольного? А может, он хочет ее замылить? Правда, я спросил, говорю - хочу поработать. В ответ нечленораздельное мычание какое-то... Ладно. Зайду сам. Жму вам рукавицы!

Я, самый настоящий! М.

Написал московскому самовлюбленному. Ведь он, наверняка знает, что я здесь! Подождем.

1 января 1984 г.

Прямо в новом году, прямо первого числа получил от тебя вирши и письмецо! Спасибо! Сразу позвонил клистирной трубке, аптекарю, его не оказалось дома. *) Но ответила какая-то, с голосом бомбессы - у них уже состоялись смотрины. Ладно, пёсик с ними. Будем шукать дальше. Я послал тебе тревожное письмо о рукописи...

Рукопись уже у меня. Это я спаниковал. Настроение чего-то распаршивилось тогда, теперь прошло. О своем приезде я сообщил Вадику . **) Но он же отвечает, знаешь, по прихоти, подожду. В Союз решил сходить после праздника, чтоб прошло похмелье у шефов. Схожу - покажусь, может быть и вирши кому-либо дам почитать, а чего.

Да, я того же мнения о твоем переходе... Оставайся на старом месте, до обмена. Не стоит торопиться. Сейчас начнем действовать.

Я буду давать объявления - здесь, а ты - там. Практически - мы ничего серьезного в этом отношении не предпринимали. Я говорил с Мишкой, сходим, сделаем.

Татьяха-проходимаха, о чем ты говоришь! Да ради бога, приезжайте-приезжайте! Себя же не обманешь. Конечно, я хочу, чтоб приехали в каникулы, в любое время дня и ночи! Что ты! Я же скучаю, просто не пишу об этом, вот и все, что ты.

На счет финансов - буду собирать, копить, что-нибудь придумаем, живые люди ведь. О себе: хожу на труды, конфликтов нет, пишу, не болею, не мерзну, буде зима нынче стоит сиротская, не очень холодная. Недавно (со времени переезда!) сходил в мытейное заведение - здесь, у нас в общаге. Не пью, не прелюбодействую. Вот так и живу. Скоро (с получки) вышлю еще вирши, для справок и пр. Ладно, все.

Жму! Мы.

*) - кажется, речь идет об обмене квартиры
**) - Кожинову

3 января 1984 г.

Татьяха, я приветствую Вас!

Получил письмо... с анекдотами которое, спасибо за внимание. Мне, Татьяха, поносно не везет, зашел сегодня (3.1.84 г.) в Союз, но, кроме секретарши союзнической, никого не удалось пымать. Дала она мне августовскую рецензию на первую рукопись: немножко говна, немножко хорошего, а в общем тонусе - норма. Обижаться - нет никаких оснований. В предыдущем письме я сообщил, что звонил по обмену-обману... Они уже (к этому времени) сговорились, чванливая, с трудом жующая слова, вологодская аптечная знать. Нет-нет, я не осерчал, просто бомбизмом поперло. О музыкальной Вологде: здеся - по словам Михаила - очень много музыкалок, а вот о классах он сам ничегошеньки не знает. Попробую вырваться к Вадику. Рано или поздно, дело это должно произойти. Посмотрим, погуторим, попрошу совета на свои дальнейшие действа. Это полезно, он больше меня знает и могёт. Да о чем говорить, надо ждать, он же и советовал именно это! ЕЩЕ НЕТ И ГОДА! Никто меня не сживает, не гонит, чего еще ТРЭБА? Вот только обменчик зашпандорим, чтоб быть всем тут, а там - посмотрим. Мы - тут дадим объявление, а ты изучай тоже. Но сообщай не письмом, а телеграммой Относительно Ольгуши-ворчуши... Ты права, Татьяха. Слишком велико несовпадение по точкам. Мы не отрываемся, боже упаси, можно ездить в гости. Ну ладно, пиши, сообщай. Как пацы? Скажи им, чтоб не баловались. Мне больно будет узнавать такое.

У меня - норма. Жму сучки! Отец-Михаил.

14 января 1984 г.

Здравствуйте, ребята!

Грустно как-то получается, братцы, зачем вы мать пугаете?

Все равно нам надо будет переезжать. Решать будем мы. В этом - вся штука жизни. Так она вмешивается и в ваши дела. Не оставаться же вам в канализации.

А будете скучать без ваших чертогонов, дадим деньги, можете съездить. Петя и Глеб, не вздумайте чинить дурьи дела, будьте умнее, ребята вы с понятием. Помогайте маме. С обменом - тоже. Будете ходить по всем местам, которые знамениты. Найдете дело, которое вам доставит удовольствие. У нас никого нет в Перми. Ольга - в Волжском. Бабушка - в Харькове. Вы что же, решили разлучить нас с мамой? Не хорошо пугать. Конечно, привычка - большое дело. А мне-то вы что, думали, очень хотелось ехать? Но - надо было.

С уважением и надеждой на ваш ум - Я.

17, январь, 1984 г.

Татьша, пишу - наспех.

Заколебала - до физического изнеможения - «производственная необходимость»! «Ни сна, ни отдыха измученной душе».

Татьяша! Письма твои получаю, даю ответы, может, конечно, не столь полные, как надо было бы. Последнее - на его отвечаю - где идет речь об Архангельске, о том, что ты дала им мой адрес. Надо: выслать рукопись, но приходя домой, тут же валюсь с ног. Объявление Миша сделал, с субботы начнет действовать. Скорей бы обменяться, скорей бы все это кончилось: общаги, одиночество, систематическое неумывание и пр. пр. Из предыдущего письма я так и не понял - звонить «бомбистам»- аптекарям?

Пункты обмена: центр, Заречье, ГПЗ, льнокомбинат. Ладно, ложусь спать. 11.15 вечера. Всем вам - поклон!

Будьте добрыми.

22 января 1984 г.

Получил, Татьяша, от тебя посылочку. Спасибо тебе, а раньше получил письмо, с Кремлем Петиным. Ну что, звонили мне двое: бомбисты и еще какие-то маоисты, у которых 3-х комн. Бомбисты сразу отвергли, а маоисты будут «совещаться». Да тоже, конечно, отвергли... 3-х комн. Будем ждать дальше. А у тебя какие новости в этом плане?

Съел каку-бяку. Заболела, а точнее, поболела башка, и прошла... Готовлю еще виршенции в журнал «Красный Север». Отобрал из тех, которые ты читала... «Совесть» и прочее, штук 20. Вадим давал мне записку к критику «Севера», вот я и решил послать, пусть ходят, в морду не дадут.

Послал тебе рукопись, прочитай, изучи, пометь знаком - КОТОРЫЕ ПЛОХИЕ, а знаком + , КОТОРЫЕ МОЩНЫЕ. Отнесу в газеты: «Кр. Сев.» и молодежную.

Фу, черт - не доглядел. Да, был я на литературном вечере, познакомился с Беловым, я писал тебе. Васьки Оботурова не было. Да, мы наверно преувеличиваем его роль, и преувеличиваем значение моего письма. Звонил Александру Романову - болеет. Условились -

на половину февраля. Схожу, Миша отзывается о нем хорошо, как о добром человеке. Схожу, все же он первый отметил - это он рекомендовал меня «Северу». Поговорю, что он посоветует, у него знаний больше. У меня - все в норме. Работаю. Пишу. Не болею. Ручка плохо пишет. Ладно. Привет Вам!

Михаил.

29, январь, 1984 г.

Здравствуй, Петя!

Спасибо тебе за письмо, за картинки, хорошо, есть что-то похожее на здешние церкви, очень даже похоже.

Когда мы уедем в Вологду? Да я, Петрович, сам не знаю этого. Надо делать обмен, а это - далеко не простое мероприятие. Петя, ты говоришь о том, что не сможешь видеться с ребятами... Это, вернее, решение этого вопроса, Петя, от нас (тебя и меня) не зависит. Если надо будет тебе повидаться, то поедешь, чего там говорить. А в каникулы... так ведь, Петя, можно же приехать к тем же горшкам или к Пете Губину, или к Пантюхиным, или... к любому, кому захочется, было бы все нормально.

Я и сам, Петя, не знаю, когда мы соберемся переезжать. Если сложится благополучный обмен, то - где-то к лету, может быть. Избушка, я маме уже написал об этом, отличная: две комнаты, отдельный вход, второй этаж, телефон. Но как сложится обмен, кто его знает. Ей, тетеньке, надо в другой город, на Украину, в город Хмельницкий. Вот такое, брат, дело.

Слушай, брат, а где ты наловил вушейчиков? Чего они тебя пожирают? Как твои шрамы поживают?

У меня нормально. Ты, Петя, пиши - когда захочешь, есть настроение, пиши, черкни пару слов, а нет - ничего не случится.

Ну ладно, привет агромадный Глебу!

И маме привет! Будь добрым и здоровым!

Жму руку - я. Чао.

12, февр. 84 г.

Привет, привет, друзья мои, привет!

Петя, Глебка и мама. Отвечаю, Татьяша, на два твоих письма - о Михайловне, Бердичевской, плохом отношении к рокам и о моих виршенциях. Ходили мы, Танюха, по двум адресам - 26 метров и с подселением 3-х комн. Последний вариант Миша тот же час отверг. Пусть будет 26 м., но вы (мы) будете одни, хозяева. А с Хмельницким... трудная, наверно, задача. Да, Таня, пока не забыл, вышли рецензию Вадярика на мою рукопись - где 99%, ты знаешь, какую. Она одна. Вышли ее, Татьяхин, с бумагой, чтоб она не измялась - в полный формат, как бандероль с виршами. Я сказал Михайле о том, что у меня есть рецензия Вадима - «девяносто девять процентов», на что он ответил, что это сыграет (здесь) такую роль, выше которой ничего и не надо. Вышли. Отыщи, она где-то в бумагах, лежала на окне, что ли.

У вас - у тебя и у Миши - поразительное единство в мыслях и суждениях обо мне: Миша рассуждает... выпустишь книгу, примут в Союз, дадут квартиру. Причем, все это на полном серьезе. Я говорю - «зарежут» Ни в коем разе - отвечает Мих. Стихи у тебя - говорит - мощные. Все будет хорошо. Посмотрим...

Ребята. вы меня огорчаете. Вы что, живете одним днем? Кому и в чем вы там подражаете? Горшку... Давайте, давайте. Мать и я, для вас - тьфу. Понятно. Я тебе, Таня, говорю серьезно - если они считают себя взрослыми на столько, что могут обходиться без нас, дай полную волю, полную свободу действий со всеми вытекающими последствиями. Пищу пусть добывают сами. Одежду - тоже. Варят, стирают, несут ответственность за свои действия - сами. Мы проживем. Самое низкое, что может быть: тебе дают кусок хлеба, а ты платишь родителям - сволочизмом. Баста. Пусть все - сами.

Я жив.

15, февраль, 1084 г.

Был я, Татьяша, в избушке прямого обмена. Ну что сказать о ней? Изба как изба - 26 м, второй этаж, на 2 м. меньше, чем наша. Хатка - точно такая как наша: коридор маленький, школа под окном, место тихое, терпимо. Если сравнить визуально, то малая комната меньше нашей на кровать. Забыл, что у них с балконом. Вот такое дело.

Были мы с Мишей, но хозяйку дома не застали. Надо будет повидаться с ней. Татьяша, обмен этот - прямой, без всякой канители. К чему я это говорю? Да к тому, что с хозяйкой можно будет затевать это дело по общему согласию - время обмена и переезда. На 2 м у нее меньше. Это говорит о том, что ей можно поставить условие - ремонт. Она, конечно, знает, что один кв. м. жилья, по «черным ценам», стоит 80 р.

Такое дело. Опиши свои соображения на сей счет. Те квартиры, конечно, лучше, но... Слушай, а как же родственники Михайловны? Что у них там? Они пишут Михайловне? Как идут дела?

Что меня еще смущает - это вопрос транспорта. Этот маршрут я неважнецки знаю. Знаю, что идут туда 1-й тролик и 17 автоша. А на счет 2-х метров, что ты думаешь, какие соображения у тебя? Продумай, взвесь и дай ответ скоренько. Черт его знает, как оно будет развиваться, наше дело?

О себе: по-серьезному не болею, не ругаюсь с начальством, пишу.

Чего у вас? Ладно. Стихи хорошие - так же - отмечай крестиками, плохие - минусом. Мне будет легче ориентироваться.

Всего вам доброго! Пишите.

Миха-па.

26, февр., 84 г.

Я выезжал из Вологды на три ден. Был в Череповце. В переписке, конечно, образуется перерыв. Поговорю с Киселевым

1356129

Михаилом, чтоб пустили нас пожить на несколько дней. Готовим с Мишей Карачевым мою рукопись. Что будет, то пусть и будет. Некогда дальше тянуть резину. Один товарищ сказал, что меня будут «задерживать» местные поэты. Так и сказал. Этот человек - брат Вик. Коротаева, местного поэта. Так и сказал. Одна надежда - Вадик Посмотрим.

Нет, Татьяха, возможностей у хмельничан. Вот они и ждут сами. С разводом, будь я на Милином месте, я бы не торопился. Развод - последняя мера. Но уговаривать бы шибко не стал. Ладно. Потом опишу. Я.

Понед., 27. февр., 84 г.

Здравствуйте, Надувные Драконы Полей, здравствуй, Татьяха-Черепаха.

Жив я и здоров, немного поприхварывал - очевидно, результат поездки в Череп. Я ездил я туды, Татьяша, с лит. бригадой: Миша Кар., два начинающих прозаика. Выступали на металлург. комбин., читали, говорили. Я испытал горькие минуты - когда мне стали задавать вопросы... о моих произведениях. Ответил, что таковых не имею, вот так-то, бродяги-сурки. Ничего, убедился, что меня слушали. Особенно - вооруженные силы! Даже задали вопрос в стихотворной форме! Во. Понес финансовые расходы. Поиздержался. А оплатят выступление - ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ! Ничего-го, выкрутимся. По обмену нет больше никого. Остается тетя, у которой 26 м. Предупредите меня с выездом. Я не знаю срока каникул. Рукопись подобрал. Выглядит. Надо готовить два экземпляра. Заколебало меня все это печатание-перепечатывание. Заколебало-забодало-запузырило. Опять искать кого-то надо, договариваться, платить. Зла не хватает. Раздумывал я над тем - отдавать рецензию Вадика или нет? Подумал и решил, что будет нескромно, подумал еще раз и решил, что буду отдавать. Плевать я хотел. Мне надо знать, какая будет реакция. Все.

Тетенька в Череповце. Приедет в среду., 29. Поговорю. Относительно причуд Любима... ГЛУПОСТИ - ВСЕ ВОЗРАСТЫ ПОКОРНЫ. Ждать - самое разумное для Мили, ждать, без игры на публику. Больше новостей н имею. Будут, сообщу. На всякий случай, Татьяша, с восьмеркой тебя!

Мишень.

P.S. Из записок, присланных во время выступления: «Вопрос тов. поэту: «Прочитайте, пожалуйста, что-нибудь о любви» с/ув. « (подпись) ; «Откуда вы эти поэты, Что так величаво для нас Слагаете прозу, поэмы И будто бы верите в нас Не знаю сейчас кто на сцене Но вобщем поэт с сиденой Стихи он сложил по манере Которых любил я давно Скажите пожалуйста, Почему вы любите литературу? С уважением (подпись); «Есть ли рифма к слову окунь».

28, февраль, 1984 г.

Получил от тебя, Татьяша, письмо. Спасибо. Грустно, что Петя болеет. Татьяша, а как идут дела музыкальные у ребят? Учатся, или... Да, ты права. Пусть видит, что происходит в жизни, другие примеры, конечно, тоже полезны. Но мы живем - врозь. Лучший пример, естественно, поддающееся наблюдению и анализу, наше поведение. Скоро приезжает тетя. Пойду с ней на переговоры.

Я занимаюсь рукописью, сил моих нет, блевать тянет от этого занятия. Хочу знать развязку - только и заставляет. Бросил бы к черту. Сатанинская усталость, дикая. Какую еще задачу - проблему поставят передо мной? Хватит ли сил. Душевного надрыва нет, ты не думай. Рождается некая плевость от всей возни. По возрастному цензу я уже всех перещеголял. Смешновато становится глядеть на себя - со стороны. Вот - то, о чем я горько думаю. Сегодня опять какой-то человек подходил, спрашивал на счет моих книг... Не хватает мне юмора. Отвечаю, испытываю мучительную несостоятельность. А в чем я виноват? Меня не печатают - сказать? Или отказываться от подобных выступлений. И еще, говорят, если меня не зарубят, то в план попаду на 87 г. А жизни - сколько годов? Сорву вас. В избушку - 26 м... Перед сознанием - стена. Поправляюсь. Не пишу.

Мих.

Спасибо, братики мои!

Получил письмо, в котором говорится о том, что обменные дела наши идут полным ходом. Редко я пишу, редко. Причина этому - моя лень. Есть, конечно, кое-что и кроме: прописка моя кончилась, началась канитель, без которой здесь не обойтись. Кончилась прописка - рви с работы. Пришлось опять ходить-бродить, доказывать и прочую чертовню делать. Еле-еле удалось уговорить чертогонов. Судьба моей рукописи... Хотел расквитаться с ней, да ничего не выходит. Задерживают дела, которые от меня нисколько не зависят. Остается смотреть на это все - как на Божий промысел.

Форсируй, Татьяшка, дела обменные - сколько есть сил! Скоро буду с вами.

март, 4, 84.

Здорово, ребятки-мурзилки:

Петрович, Глебка и мама! Глебка, спасибо тебе за звезду, что ни говори, а приятно. Пишу - наспех. Татьяша, была Рита... которая - 26 м. Решили, делаем обмен. По окончании школы. Но оформлять-то, конечно, надо раньше - начинать. Вот. К тебе придут, Татьяха, на смотрины. Оговори эту разницу в метрах, а? Сидела она передо мной, не смог я с ней говорить об этом - женщина... Был бы мужик - другое дело. Ордер на ней. Она - кукольная актерша. У меня - норма. Обнимаю Вас и люблю!

Мы-мы-мы-ша.

март, 9. 84 г.

Получил письмо, Татьяша, - где о Володиных зубах... А в какое время (прошлый раз) у Пети заболела голова? Я - не помню. Ходили с ним в больницу, но ни числа, ни месяца не упомню. Что же оно такое? А Глебину звездочку я получил. Писал, уже получил, конечно. Особых новостей у меня нет. Похворал маленько, ничего, сейчас вычухиваюсь. Пишу - потихоньку. Готовлю рукопись, чёрт ее скушай. Никак я не приспособлен к делам такого рода. Таня, что ты не прописала: когда будете ехать, на какое число я должен купить обратные билеты? Написала, что будете «в среду» - юмор, Татьяха. Сред-то сколько в месяце! Во-даешь ты, во-даешь, Татьяна. Ну и буровишь. А теперь - как? Если за неделю я получу ответ, то это еще ничего.

Как там поживает Амброзиева... Ворует, небось, потихоньку. У нас тепло: тает снег, у меня под окном - лужи. Скоро (в апреле) у меня отпуск. А прописка кончается 26 марта. Удастся ли мне уйти в отпуск. Жаль, конечно, если уволят до отпуска. Посмотрим. Я их тогда всех сокрушу. Последние вирши вышлю позже. Скорей бы с хатой.

МСОПИН.

31. март, 1984 г.

Вот и хорошо, что нормально доехали. Спасибо тебе, Татьяша, за новости! Душа приходит к единству. Приеду в отпуск, сразу займемся ремонтом. Жди. Подбиваю свои дела: стирку, отправление бумаг, собираю воедино мысли. Решил, что теперь не стоит заниматься злосчастным вопросом - пропиской. До отпуска, а там - видно будет.

Новостей у меня, конечно, никаких нет. Как Вы там, храмы-поломники? Вы уехали, пошла ростепель, резко начало веснить: бегут ручьи, плюсовая температура. Олег звонит и звонит, не дает мне работать, проходимец-проползимец. Ничего, наладится. Я ведь еще под впечатлением Вас! Храни Вас господь.

Михайло Вологодский.

15 апреля 1984

Чирикаю письмишку, не имея никаких новостей-вестей. Теперь-то я понял, что меня размагничивает приближающийся отпуск! Остается несколько деньков. Погода у нас скверная. Слякоть. Мерзлость. Пакость. Холодно. Пролетает снег. Земля - мерзлая. Завтра собираемся повыступать... так, мелочуга: ПТУ, общаги и пр. Спасибо, Татьяхина, за телеграмму Вас. Семенов. Ему, конечно, лешче. Ничего. Потихоньку-полегошку. Я его не беспокою. Боюсь. Делайте сами. А ремонт в Вологде... Мы еще и без ремонта сможем в ней жить, пока ребятишки не засерут. Был у меня Михаил Григор. Киселев-Пантюхин... *) Пожурил меня, когда я рассказал ему о том, что Вы переежаете ко мне, в Вологду.

Ничего, такая брань приятна.

Скоро приеду, помогу. О рукописи вестей нет. Она у Амбразурова**). Миша должен забрать. Пока! Я.

*) - М.Г. Киселев - инженер фабрики «Прогресс», у которого Миша жил первое время в Вологде по рекомендации пермского физика Пантюхина.

**) - Оботурова

Римма Васильевна Комина

Римма Васильевна Комина доцент, впоследствии профессор Пермского госуниверситета (1926-1995 годы). В середине пятидесятых приехала преподавать из Москве в Пермь после какой-то истории, завязанной на диссидентстве (можно понимать так, что была выслана). Блестящий лектор, кумир студентов. Сама о своем прошлом никогда не рассказывала, но когда я, в 1976 году, будучи сотрудником молодежной газеты «Молодая гвардия», захотела отметить ее 50-летний юбилей и обратилась в партком университета (требование нашего редактора), секретарь парткома, человек нового поколения, высказал удовлетворение, что наконец-то она будет поздравлена достойно. Кое-что пропустили, хотя... скромно, с поправками. Раньше и такую статью в газете посчитали бы политической ошибкой.

Рассказывали, что во время высылки Солженицына ее, как члена парткома, обязывали выступить с публичным осуждением: «Это так нужно, студенты Вас послушают». Она сидела вся в красных пятнах, однако выступать отказалась. Комина рассматривала Солженицына как продолжателя традиции русской классической литературы, созвучного Льву Толстому, хотя потом уже на лекциях об этом не говорила...

Будучи студенткой географического факультета, в университете я у Риммы Васильевны не училась, однако по ряду обстоятельств оказалась к их семье достаточно близка. (Ее муж Владимир Васильевич Воловинский - в начале шестидесятых редактор Пермского книжного издательства, потом преподаватель научного атеизма университета). В 1957 году Р.В. Комину назначили представителем парткома в многотиражной студенческой газете «Пермский университет», а я там активно сотрудничала. Вела себя авантюрно. В течение без малого двух лет подкладывала стихи измененным почерком под чужой фамилией (К. Коваленко); автора искали, но не могли найти, а я ходила рядом и молчала. Призналась Владимиру Васильевичу, когда стихи были включены в сборник студенческого творчества (перед выпуском). Это всех развеселило и стало событием - об этом Р.В. вспоминает в письме в Вологду.

Уже после окончания мною университета и возвращения с Крайнего Севера Р.В. Комина неформально занималась моим литературным воспитанием: вела беседы, давала книги из домашней

библиотеки, отмечала, на каких критиков обратить внимание (Полиевский, Кожинов). Все это очень пригодилось потом в работе со стихами Михаила.

По возвращении из заключения Миша сразу решил заочно учиться: «Хочу умереть с дипломом на груди». Выбрал филологический факультет, потом остановился на историческом... Но у него не приняли документы никуда за недостатком рабочего стажа (в трудовой книжке записи начинались от июля текущего года, а труд с подросткового возраста до сорока лет в счет не шел). Встретив Римму Васильевну на улице, я поделилась обидой, на что она ответила:

- Для Михаила университет «не подарок», тем более Пермский. Все, что он желает, можно получить самообразованием.

Была ли она права? - не знаю. Через год Миша документы уже не понес, но говорил, что если бы он был принят «тогда» - не бросил бы. Я думаю, ему было бы интересно общение со студенческой средой заочников, где думающих людей встретить реальнее, чем в богеме, в которой вращался впоследствии.

Вообще Миша долгое время оставался для Коминой чужаком. Он у нее не учился. При редких встречах со мной Римма Васильевна больше интересовалась моим творчеством, а не его, а я считала, что нужно наоборот... Когда В.В. Кожинов похвалил его стихи, а в издательстве дали «отпих», я побежала к Римме Васильевне советоваться. Встреча была назначена в столовой. Беседовали «за тарелкой борща». Комина говорила о том, что Кожинов - вообще человек странный. Как-то он выступал у них на семинаре: передовых авторов эпохи обругал, а в авангард вывел совсем других. Получалось, что все (включая участников семинара) дураки, один он умный. Всех обидел и победителем ушел. Никто ничего не понял.

- Кожинову нравятся стихи Вашего мужа, вот пусть он их и печатает, - заключила она.

Потом мы переехали в Вологду, где при содействии Кожинова действительно через год вышел сборник стихов «Предвестный свет». Я послала книжку в Пермь. В ответном письме звучало раскаяние: не разглядели автора. Вышла не просто книжка, а выдающаяся. Римма Васильевна писала, что будет рассказывать о Мише студентам и видит в нем продолжателя Блока.

Завязалась не частая, но теплая переписка. Мы узнали, что Комина, наконец, защитила докторскую диссертацию, стала деканом факультета. Присылала свои книги литературоведческого содержания. Потом письма приходить перестали. Тогда многое в стране менялось, почта ходила плохо, да нам было и не привыкать: попишут-попишут и перестанут... Я переписывалась с подругой, у нее в университете училась дочка, и вот через нее через несколько лет попыталась узнать. Наконец, пришел ответ: «Преподавательница, о которой Вы спрашиваете, умерла».

18 апреля 1985 г.

Дорогая Таня, Вы очень хорошо сделали, что написали мне такое ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЕ письмо - у меня была потребность понять, знать обо всем этом. Вы это правильно поняли.

... Видите, я попала в точку, когда (с таким опозданием!) посоветовала Вам Кожинова. Оказывается, он уже многое (в сущности, все самое главное) понял и сделал.

...Как дорого оплачивается в нами любимой России напечатанная строчка - ведь это уже не вторая, а третья жизнь, такая драматическая и чуть не ставшая трагической: для стихов, вероятно, есть какая-то иная возрастная черта, чем для прозы, а этот сборник нельзя было не издать, и впрямь можно было М.Н-чу погубить себя.

...Наверное, легкой жизни и в Вологде вас обоих не ждет, но это все равно теперь естественная, подлинная ваша жизнь.

А общем, Таня, если вы ощутили себя снова моей студенткой, то я, в свою очередь, прочитав вашу женскую исповедь, могу сказать, что я вами просто горжусь!

...Что касается Букура, *) то он «заочник» в прямом и переносном смысле слова, ну а в те поры был еще мальчиком в издательстве (иначе хоть бы слова нашел мужские, нормальные).

...Петя и Глеб - интересно, какие у вас сейчас? Пришлите фотографии как-нибудь!

Таня, а ВАШИ стихи? Они существуют или нет сейчас? Я сегодня Марине рассказывала своей (ей ведь уже 23 года) о том, как мы Вас открыли под псевдонимом, кажется, Коваленко?

Мне интересно, что скажет Юлия Викторовна о книге М.Н. **). Она большая умница и духовно прошла через все страшное - специалист по Л. Андрееву, М. Булгакову - по драме рубежа XX в.

Погодите, если не вы в Пермь, то я еще м.б. когда-нибудь в Вологду приеду - теперь развязалась с защитой (тоже ведь история в 20 лет длиной с аналогичными, хотя и более академичными перипетиями)

... Приятно, что в Вологде - в газете, в издательстве Архангельском такой достойный народ, особенно молодежь ***). Видимо, сами условия северные учат понимать трудное, как ни травиально это звучит.

Но со временем даст о себе знать и противоречивая сторона вологодского писательского круга - все-таки пиком их расцвета были 60-70-е годы ****), сегодняшний «ветер» более сложно сочетается с тем, что здесь наработано. Наверное, главное будет зависеть от того, как Белов напишет 2ю часть «Канунов» - о первой части любопытную, ПРЕДУПРЕЖДАЮЩУЮ статью написал Овчаренко в «Вопросах литературы» - вы прочтите, если не читали.

... Вообще литературная полоса наступает какая-то новая, у меня еще нет для нее слов. Их не сказали и поэты - вот и открывайте дорогу в сегодня и завтра, а мы уже - следом...

Обнимаю вас! Р.В.

P.S. В одном разочарую Вас - ГЛУБИННОЕ село было с маленькой буквы (оно было в Башкирии, на Урале..)*****)

*) Речь идет об отзыве на Мишины стихи литконсультанта Пермского книжного издательства В. Букура. Сейчас точный текст не помню, но должен где-то у нас сохраниться. Формальный «отпих», похоже, кем-то продиктованный. Мы поняли это так, что серьезно никто на себя это не взял, а подбросили новичку, который сам не очень понимает и противоречить не будет.

Впоследствии В. Букур стал мужем известной в Перми писательницы Нины Горлановой и они вместе писали модерн-фантастику.

**) Юлия Викторовна ... - в 80-е годы профессор Вологодского пединститута, с которой Римма Васильевна Комина познакомилась на семинаре в Москве. Была рекомендована нам как человек высообразованный и понимающий. Миша обращаться не стал, а я договорилась о встрече, это было у нее дома. Передала книжку, но ответа не было. Возможно, Юлия Викторовна была уже очень больна и занята другим.

***) - имеется в виду Дмитрий Шеваров, молодой талантливый журналист «Вологодского комсомольца», в 80-е оды активно поддерживающий Мишу публикациями стихов и статьями о нем. Впоследствии Дмитрий Шеваров - спец. корр. «Комсомольской правды» в Волгограде и Москве. После раскола редакции оставался в основном составе, так как был связан обязательствами при получении квартиры (по духу ему был ближе «отколовшаяся» группа прогорбачевского направления, организовавшая газету ....?). В 90-е годы ушел в учительскую газету «Сентябрь» (?) и занялся писательством с постепенным отстранением от политических страстей. Периодическая переписка с ним продолжалась, активизировалась в начале 90-х. Во время моих поездок в Москву по изданию книги «Четвертое измерение» я у них жила. Приезжая в Вологду, Дима старался Мишу посетить...

****) - полностью с этим согласна.

*****) - Глубинное - поселок, где Миша отбывал ссылку. Наверное, РВК имеет в виду, что название не столь уж редкое.

20 мая 86 г.

Дорогая Таня!

Получила Ваше письмо. Восприятие новой книги Астафьева *)- любопытный феномен. Здесь многое скрестилось объективного и субъективного со всех сторон. Вот уж не думала, что Вейск похож на Вологду - я изначально восприняла его как далекий запущенный СИБИРСКИЙ город - много видела таких - значит здесь получилось ОБОБЩЕНИЕ **). И боль за сегодняшний уровень жизни, культуры в таких местах - благородна, а правда бьет в душу, это так.

... Но и перебор есть (я бы не стала это читать детям), и в этом переборе (сюжет с насилием над единственной по сути хорошей

женщиной-стрелочницей и др.) есть какая-то НЕПРИЯТНАЯ мне астафьевская черта - своеобразная бравада правдолюбием, смелостью, как будто он соревнуется в этом со всеми и всех хочет переплюнуть... Чувство меры - признак художественности всегда...

Ну а гарнитуры писателям дарить неинтеллигентно ***)- нужно дарить ПОНИМАНИЕ - в частности, понимание права В.П. на ЖЕСТОКИЙ РЕАЛИЗМ - он его заслужил своей личной жестокой судьбой.

... Таня, Мих. Ник.! Рецензия на «Предвестный свет» опубликована в №2 «Урала» - даже раньше. Там не все вам может быть понравится (кое что как всегда сократили). Но это искренний отклик, и в главном я согласен с Вл. Вас. (Абашевым). Он у нас серьезный знаток Блока, вообще лирики и с... ухом на русское слово.

...Я рада, что М.Н. пишется, хотя мне тоже трудно представить психологию перехода к новому сегодня - в такое мелопоэтическое время. Мы все желаем обоим вам всей полноты мыслей и чувств и вообще - всего самого доброго, всему семейству! Р.В.

P.S. 30 мая мне уже 60. Помните, Таня, как Вы меня защищали в парткоме в 76 году?

*)- «Печальный детектив»

**) - примечание РВК: «Так, в «Губернских очерках» С-Щедрина Вятка узнала себя, обиделась на сатирика - а ведь он ее увековечил, по сути!

***) - речь идет об обсуждении «Печального детектива» в библиотеке им. Бабушкина, где В.И. Белов сказал: «После прочтения этого романа хочется помыть руки». А некий партийный деятель делился со мной: неблагодарен Виктор Петрович! Ему подарили мебельный гарнитур фабрики «Прогресс». Он гарнитур взял, а Вологду опозорил. Я написала об этом РВК.

26.12.1988 г.

Дорогие Таня, Михаил Николаевич и мальчики (мужчины!) Желаем вам всем осуществления задуманного в новом году, добрых впечатлений и стабильности в главном в этом колеблющемся во все стороны мире... Мы рады знать, что Мих. Ник. готовит новый сборник. Но не поняли - чем КОНКРЕТНО могли бы вам помочь. Ведь Пермь от Вологды далековата, издатели - народ самостоятельный, а перекрещивающиеся советы сбивают с толку. Поясните, что и как. *)

...В этом году в Перми вышла целая кассета пр-ний молодых авторов (и не очень молодых, но ранее не печатавшихся), среди них половина - университетских. Так что, Таня, наши с вами начинания 60-х годов не пропали. Жмем руки! Ваши РВ-ВВ **).

*) - не помню точно, с чем я обращалась, но очевидно, это было связано с метаниями по поводу того, что в издательстве «Современник» (куда Мишу рекомендовал Кожинов) новых его тем

не принимают, возвращая к «Предвестному свету», который Миша к тому времени уже перерос. Новые темы прозвучали через несколько лет в «Смещении». По принципу «отдал - забудь» мы послали подборку стихов в Пермь Роберту Белову (писатель), он об этом просил. Ответа не пришло, да мы особенно и не ждали. «Отдал – забудь»...

**) - Римма Васильевна - Владимир Васильевич.

18 июня 1991 г.

Дорогой Михаил Николаевич!

Спасибо, спасибо и за письмо, и за стихи! *)

В них есть такие внезапные, озаряющие образы - «кони с цветами в зубах», «ракитовый лепет», «обелиски с болевой напряженностью лиц», «витрина столетья», «морщины полей» - как все это естественно и емко!

Наверное, наше время окончательно отвергнет мысль, что стихи - удел молодых. Поздний Твардовский-лирик несравним с ранним. Ваша переполненность памятью, нежность, прошедшая через такие жестокие испытания, действительно «дорогого стоит», как говорил старый русский писатель.

... Спасибо за присланные сборники - я передам их в руки хорошим читателям.

Если не возражаете, один из них я пошлю С.П. Залыгину (мы изредка переписываемся с ним) со своим коротким комментарием - мне кажется, Вы соприкоснулись существенно с темой его нового романа «ПОСЛЕ БУРИ» (Он будет закончен публикацией в летних №№ «Др. народов») **)

...Не огорчайтесь, если печатные отклики придут не быстро ***) - у нас все так происходит. Сделано главное - прозвучал, заявил о себе Ваш голос. И сами Вы увидели и услышали себя по-новому, уверена в этом.

Мы с Вл. Вас. желаем Вам полноты этой радости!

Ваша Р.В.К.

*) - «Судьбы моей поле», Москва, «Современник»

**) - от Залыгина ничего не было, мы сами не обращались, а переписка с Р.В. вскоре прекратилась, она умерла.

***) - их не было вообще

1991 год, после выхода сборника «Смещение», письмо последнее.

Дорогие Михаил Николаевич, Таня и Петя!

Так получилось, что мы позднее всех узнали о Вашем неизбывном горе, уже из «Смещения»... Еще раз наша трагическая история своим колесом прошлась прямо по вам - в этом страшная, чудовищная несправедливость!

Разделяем вашу боль и верим, что слово - сказанное, вами воплощенное - сделает вас сильнее...

... Только что вернулись после долгого пребывания в Москве и под Москвой - были вблизи от исторического эпицентра. Купила в Москве свою книжку, может быть, она пригодится Пете. Там лучше других, видимо, глава про Вершинина, Таня узнает мою интонацию.

... Слова и музыка «Смещения» полностью органичны, там Михаил Николаевич зрелый трагический поэт, слово в «Круге», «Правде лжи», в «Вернуться б, вернуться» - мне кажется, еще весомей и неотразимей, чем в прежних циклах... Сегодня на новом повороте ждем от вас нового дыхания и, может быть, даже - новых тем и мыслей.

Обнимаю вас

Р.В.

Вл. Вас. и Марина *) во всем солидарны.

*) - дочка.

Виктор Лапшин.

Виктор Лапшин - поэт из Галича Костромской области, один из тех, чье творчество привлекало внимание В.В. Кожинова. М.Н. Сопин познакомился с ним (каким образом?) в 1984 году, переписка и дружба продолжались до начала девяностых. Бывал в Вологде, но я лично его не знала.

В 1991 году давал Михаилу рекомендацию в Союз писателей России.

28 августа 1984 г.

Дорогой Михаил Николаевич!

Ваша коротенькая записка дороже для меня иных полотнищ письменных! Не знаю, не ведаю - почему, но именно Ваше письмо как-то необыкновенно порадовало меня. И за это неизъяснимое чувство как-то кощунственно - благодарить... И тут Вы поэт, идете по миру не словом, в через слово, как свет идет водами.

Да-да, мудрости и доброты надо нам желать. Но в пожелании этом есть нечто и от лукавого: некоторая ирония, хотя желающий кому-либо мудрости и доброты не хотел бы оступиться в слове, стоя твердо на мысли, ему предстоящей. Ведь желаем-то недостижимого! Можно лишь порываться к идеалу бесконечно, а где бесконечность, там и тоска, пусть и благая, пусть и высокая.

Наш мир Эдемом мог бы стать,
Когда на сердце с головою
Соединить в одно живое.
Да где бы головы достать!
(Норвид)

Сейчас у меня тяжелые дни. Не могу это и не хочу скрывать. Прошу только извинить меня за ненужную, может быть, откровенность.

Очень хотел бы побывать у вас, поговорить бы надо. Но в

Вологду я уже два года рвусь, и все никак.

Как вы устроились? *) Успокоились ли? Работается ли? Что Карпеко **) и пр.?

Будьте здоровы. Рад буду письму Вашему. Привет всем нашим.

Жму руку , В. Лапшин

Галич.

*) - имеется в виду переезд семьи в Вологду

**) - ?

(Повидимому, произошло личное знакомство - обращение к Рубцовской могиле, переход на «ты»)...

20 сентября 85 г.

Михайло дорогой!

Люблю я твои письма читать! В них твое поэтическое существо в полной воле, в полной мере. Я верю тебе, доверяю - в той же воле, в той же мере. Должно быть, ты нечто понял во мне - на Рубцовской могиле или дома у Карачева *) - но всецело ли? Да и надо ли? А стихи-то мои тогда зачем? Там я - весь. Или этого мало? Карачеву - мало. А жаль. Что за гордыню он во мне узрел? А ты его - бац! и поддержал. Ан ошибся он! Не гордыня сие, другое - без чего я бы ни строчки не написал; да и жить, выжить бы не смог. Хрен с ним.

Надеюсь, ты иначе думаешь теперь. Разумеется, жаль, что так мало мы с тобой поговорили. Не о поэзии - о жизни. Разговоров - бесконечных - о стихах не люблю. Их писать надо. И токмо. Что такое мое «по-моему», я думаю, у меня...» Это отталкивание от «я» грешного. Подчеркивание: это всего-навсего МОЕ мнение, а не истина. Видно, я палку в этом деле перегнул. Но как быть? Я во мнениях так нетерпимый, могу и обидеть. А я не хочу.. Хрен с ним. Видишь, заноза сидит в сердце, а Михаилу **) об этом говорить не решаюсь. Боюсь, не поймет - он лиха не хватил.

О Кузнецове. Надо позвонить из Вологды ***), узнать, когда можно у него побывать ****). А когда будешь у него, расскажи кратко о своей судьбе, о судьбе рукописи, попроси совета: куда и к кому и как лучше обратиться. А после совета - попроси помощи. Все! Юрий Поликарпович - душа-человек. Читал ли он твои стихи - не знаю. Может быть, Кожинов ему что-либо и показывал. Я НЕ показывал: не было книжки твоей с собой, а так - не помню. О тебе, конечно же, я с ним говорил! И он согласен с тобой увидеться. А ЭТО САМОЕ ГЛАВНОЕ! НЕ ВСЕ К НЕМУ ВХОЖИ. Ты это потом сам поймешь... *****) Что я мог о тебе ему рассказать? Я не рассусоливал, был лаконичен. Дело - за тобой. Никакой «навязчивости» не будет. Этот «грех» я взял на себя. НЕ ТРЕВОЖЬСЯ. Если он сможет помочь - он скажет, не сможет - скажет тоже. Уповай на судьбу. Тут я не помощник. Но - непременно съезди к нему! И мне опиши сию поездку вкратце...

А что - обсуждение рукописи? Каково решение? Кто выносил приговор? Кто там голос имел?

Чую, даже знаю: тебе сейчас особенно трудно. Может быть, это и хорошо... «дробя стекло, кует булат».

А я тебе благодарен. Всегда помню, что есть Мих. Сопин, к кому всегда для меня дорожка! Тепло.

Читал ли ты статью Казинцева в №10 «Н. современника»?

Жду письмо!
Обнимаю, твой В. Лапшин.
Галич.

Я писал Карачеву. Какого лешего он молчит?

Светлая твоя голова!

Из нового:
ОТСУТСТВИЕ
Как знаменье - отсутствие твое!
Где б ни был я - прощальной пахнет глиной...
Над соловьиной Чуровой долиной
Картавое кружится воронье.
Простить меня, проситься ли со мной -
Ты не смогла в тоске неодолимой...
Чу, ветр шальной, заморский гость шальной,
Поет в трубе и плачет - как родной,
Родимый...
13 ноября 85 г.
Памяти матери.

*) - Карачев Михаил Иванович, вологодский поэт, член СП России. По образованию - историк, страстный защитник памятников древности. С 199... года - Директор Государственной дирекции по реставрации и использованию памятников истории и культуры в Вологодской области.

**) - очевидно, Карачеву

***) - никуда Миша не звонил и вообще обращаться «к великим мира сего» избегал. Кожинов - исключение, шаг отчаяния.

****) - поехал бы к Юрию Кузнецову только по его личному приглашению.

*****) - Миша рассказывал, что Кузнецову многие поэты дарят свои сборники, он их не читает, а выносит на улицу и разжигает костер.

12 августа 86 г.
Михайло, зверь!
Привет!
Но - какого дьявола ты отмалчиваешься? Это проще всего.
Видел в журнале о тебе статью Барановой-Гонченко. А ты

читал ли - достал ли? Хоррошее дело! *)

Вот-вот моя книжка будет в магазинах. На всякий случай - покупай. Я еще и сигнал не держал в руках.

В «Лит. газете» я вдарил по метафористам, 9 июля, не зрел?

Просьба: спроси у Балакшина адрес Богатырева (и его имя) **). Мне надо ему написать. Пришли мне.

Как ты там поживаешь? Что новенького?

У меня все по-старому. Должен был 12 августа приехать в Галич Ю. Кузнецов. Не смог. Лето прошло без гостей. Может, ты надумаешь? Как-то скучно, брат.

Засим, будь здрав.

Жду ответа. Прошу, не медли.

Обнимаю, твой В.Л.

Карачев, видать, в отпуске?

Галич.

А пришли-ка ты стихов!

У меня же - не пишется.

Рисунок: «ВОЛОГДА - ГАЛИЧ»:

С неба на землю взгляну:

Сопин едет к Лапшину.

*)- дело, действительно, хорошее, и статья в журнале (?) была хорошая. Баранова-Гонченко - литературный критик школы В.В. Кожинова. Статью попросил почитать редактор «Вологодского комсомольца» В.В. Кудрявцев и больше мы не видели ни статьи, ни журнала.

**) - не знаю, кто это.

25 августа 1986 г.

Михайло, привет!

Спасибо за газетку. Олега это дело, похоже. Добро.

Я ждал, что ты адрес Балакшина сразу пришлешь... СРОЧНО НАДО. ВЕРНЕЕ - ВОЗЬМИ У НЕГО АДРЕС БОГАТЫРЕВА АЛЕКСАНДРА (?) Мне надо написать Богатыреву, чтобы он достал еще один адрес. Бьюсь не за себя: человеку надо из Костромы. Ради Бога - поспеши!

Вот тебе на закуску:

ОБЛАВА

Тяжко флаг ворочает, полощет
Мутный ветер. Частокол дождя.
Заструилась, забурлила площадь
Под портретом вечного вождя.

На заветных плитах митинговых,
У колонн щербатых, у торговых

В мертвенном сиянии рядов -
Вопль собачий, долог и бредов.

Что-нибудь да в городе стрясется!
Сбились с ног, не сбиться бы с колес...
Исступленно мечется и рвется
На стальной удавке черный пес.

Не бродяга, бешенством не грозен,
Не стращал и пьяного клыком...
В стороне дрожит, как на морозе.
Дышит в хрип мальчонка с поводком.

Мал-то мал, да горе не ребячье...
Немо он глядит на палача.
Скачет пес, уже не по-собачьи,
Горлом ли, душой ли клокоча.

Живодер - не совладать и волку!
Изловчился, сгреб он пса за холку,
«Десять - ноль!» - довольно протянул
И в железный ящик зашвырнул.

Берегите братьев, берегите!
Зарычал и тронулся фургон.
Прошептал мальчонка: «Помогите!»
И бежит, бежит, бежит вдогон!..

И дорога мчится, и беремя
Мглистых туч несется к бездне той,
Где и наше суетное время
Тоже станет древностью святой.
10-14 авг. 86 г.

Значит, работаешь над рукописью?

А черкать и выбрасывать иногда полезно. Не журись!

Я жалею, что не отобрал в «Вологодском комсомольце» номер из подшивки - с твоими стихами...

Карачев когда появится? Мне Белков пишет, что видел его корректуру. А сам что? Не читал, в руках не держал?

О чем шумят витии? Или ты ушел в подполье и не видишь никого?

Письмо жду!

Будь здоров и прав!

Жму руку, В.Л.

Галич.

Я послал фото Карачеву. Он тебе передал?

6 февраля 88 г.

СОПИНДУ!

Михайло! Приветствую!

У Зайцмана *) вышла книжка. И он исчез с горизонту... Под бременем славы согнулся.

А какой я Проходимыч? **) Я Проводимыч-Вадимыч: Кожинов подборку в «Огонек» дал. Без моего ведома.

Карачев на мое письмо не ответил, мне не пишет. Посему я его поздравляю - через тебя.

Я пашу: три рукописи перевести надо, четвертая на подходе. Не вижу света белого.

Побывал бы в Вологде - но некогда даже читать.

Будь здоров!

Как там, у вас, дела-то? Что нового?

Пиши, ежели... Обнимаю.

В. Лапшин.

На обороте: «ЕМУ Ж!»

*) - наверное, Зайцева (шутл.)

**) - Мишино выражение

21 марта 86 г.

Михаилу Николаевичу!

Э, брат! Это не я тебе, а ты мне не ответил! Точно помню. Я спрашивал, почему ездишь на заработки в Череповец *); когда собираешься к Ю. Кузнецову.

Ну вот, собрался-таки в Москву? Добро! **) Настоящее, из-под корня, найдет себе пристанище, рано или поздно!

А ко мне - ласково просимо! Токмо сообщи, когда явишься. Чтоб я утряс дела по работе и везде поосвободился. ***)

А зачем тебя носят эти самые, с рогами и копытами, - к Коротаевым да к Фокиным? ****) Так уж и жить тебе без них нельзя? «Ты царь! Живи один...» Делай дело и не лезь на рожон - не для того рожден.

Вот и Карачев молчит. Странные, все-таки, мы люди все. И трудно нам друг с другом. Да с самим собой того труднее.

О себе нечего писать. Правда, Вадим Валерьянович недавно обрадовал: какой-то французский журнал обругал меня и назвал «русским националистом». Хорошо, когда удается сволочи досадить!

Жизнь моя - как прежде. Чувствую себя как бы в блокаде.

Ладно, приедем - наговоримся!

Будь здрав!

Жму руку

В. Лапшин

Галич

*) - шутливое обозначение поездок вместе с СП на встречи с читателями

**) - никуда он не собрался

***) - о поездке в Галич Миша заговаривал не раз, но, насколько помню, так и не собрался. Мне говорил: «Это же - водку там пить».

****) - полагаю, речь идет о поэте из Нюксеницы Николае Фокине, по приезде которого в Вологду всегда начиналась пьянка многодневная.

2 февраля 90 г.

Привет, Михайло!

Итак, Карачев - кандидат?

Антиресно. Еще интересней: мой приятель Зайцев - тоже кандидат. В городской и в областной. Эк их понесло. А нам с тобой стихи. Кому что. Так ли?

Я тут маюсь без стихов. Замаялся: течет из труб в кухне, в ванной, в туалете. На днях сантехник придет. Ежели не поможет, буду звать тебя на выручку: ты проговорился, что ты великий сантехник... Что скажешь? Повод приехать.

Пишу, а за стенкой «Ягода-малина», ни хрена люди не понимают. Еще бы у нас был мир и лад...

Ты хоть пишешь ли что? А тебе пишут? В Москве-то был, дак звонил куда?

Напиши. Жду! Обнимаю т-я.

В.Л.

7 апреля 90 г.

Привет, Михайло!

Хрен знает - сколько мы с тобой не виделись! А что... скоро три года. Эге!

Надо бы в Москву, да что-то я отяжелел. Нет желания куда-то рвануться. Но в Вологду бы я с моим удовольствием! Да все никак. Или как-то так все. Не пишу почти четыре месяца. И в голове нет ничего. А весной и летом не работается у меня.

Что трубы? Течет тут одна штуковина. Даже две.

«Зубья» - да. *) Это - для меня вопрос ужасный.

Берлога... И я в берлоге. Никого не вижу. Кузнецова не видел 2,5 года...

М. Зайцман - депутат гор и облсоветов. Не то, что мы с тобой.

А что кругом? Гады лезут в окна и в двери. Всюду санудисы (?), все иудисы... Надо бы все это обговорить. Но - погодим: что-то важное, чую, предстоит...

Ты бы как-нибудь ко мне наведался, а? О расходах не думай. Прихвати чего-нибудь... Я возмещу, не боись. Когда сможешь? Когда тебе удобнее? Я-то сейчас перевожу с азербайджанского, 10 штук, длинных, правда. Туго идет. Ты мне сообщи - договоримся.

Ну-с, будь здоров!
Обнимаю, В.Л.
Как Карачев?
Не депутат? **)

*) - наверное, зубы
**) - депутат горсовета

6 декабря 90 г.
Здравствуй, Михайло!
Да, что тут скажешь... И я ничего тебе говорить не буду! Но ты знай, что я ВПОЛНЕ тебя понимаю, друг! Собачья наша жизнь, волчий наш век. *)
Прости, все.
Обнимаю тебя, твой Виктор Л.

*) - очевидно, речь идет о смерти Глеба 1 ноября 1990 г.

10 октября 91 г.
Привет, Михайло!
Добро, что книга.
И мне, брат, писать нечего. Кругом паскудство. Да и в душе мерзость.
Скоро два года, как стихи не пишутся.
Будь здоров!
Посылаю рекомендацию. *)
Обнимаю, В. Лапшин.
Помнится: «Памятуй бывшее; положи на Господа в будущем; употребляй во благо настоящее». /Филарет/.
Так-то бы и нам!

*) - в Союз писателей

Оглавление

Виктор Петрович Астафьев 3
Вадим Валерьянович Кожинов 4
Михаил Николаевич Сопин 7
Римма Васильевна Комина 21
Виктор Лапшин Михайлович 27